

Александр Сергеевич Пушкин

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ

Оглавление

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ

Примечания

Из ранних редакций

БРАТЯ-РАЗБОЙНИКИ

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вокруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц
Они стеклися для стяжаний!
Здесь цель одна для всех сердец —
Живут без власти, без закона.
Меж ними зрится и беглец
С берегов воинственного Дона,
И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью праздной
Везде кочующий цыган!
Опасность, кровь, разврат, обман —
Суть узы страшного семейства;
Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства;
Кто режет холодною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,
Кому смешно детей стенанье,
Кто не прощает, не щадит,
Кого убийство веселит,
Как юношу любви свиданье.

Затихло всё, теперь луна
Свой бледный свет на них наводит,
И чарка пенного вина
Из рук в другие переходит.
Простерты на земле сырой,
Иные чутко засыпают, —
И сны зловещие летают
Над их преступной головой.
Другим рассказы сокращают
Угрюмой ночи праздный час;
Умолкли все — их занимает
Пришельца нового рассказ,
И всё вокруг его вникает:

«Нас было двое: брат и я.
Росли мы вместе; нашу младость
Вскормила чуждая семья:
Нам, детям, жизнь была не в радость;
Уже мы знали нужды глас,
Сносили горькое презренье,
И рано волновало нас
Жестоким зависти мученье.

Не оставалось у сирот
Ни бедной хижинки, ни поля;
Мы жили в горе, средь забот,
Наскутила нам эта доля,
И согласились меж собой
Мы жребий испытать иной:
В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

Ах, юность, юность удалая!
Житье в то время было нам,
Когда, погибель презирая,
Мы всё делили пополам.
Бывало, только месяц ясный
Взойдет и станет средь небес,
Из подземелия мы в лес
Идем на промысел опасный.
За деревом сидим и ждем:
Идет ли позднею дорогой
Богатый жид иль поп убогой, —
Всё наше! всё себе берем.
Зимой, бывало, в ночь глухую
Заложим тройку удалую,
Поем и свищем и стрелой
Летим над снежной глубиной.
Кто не боялся нашей встречи?
Завидели в харчевне свечи —
Туда! к воротам, и стучим,
Хозяйку громко вызываем,
Вошли — всё даром: пьем, едим
И красных девушек ласкаем!

И что ж? попались молодцы;
Не долго братья пировали;
Поймали нас — и кузнецы
Нас друг ко другу приковали,
И стража отвела в острог.

Я старший был пятью годами
И вынести больше брата мог.
В цепях, за душными стенами
Я уцелел — он изнемог.
С трудом дыша, томим тоскою,
В забвенье, жаркой головою
Склоняясь к моему плечу,
Он умирал, твердя всечасно:
«Мне душно здесь... я в лес хочу...
Воды, воды!..» но я напрасно
Страдальцу воду подавал:
Он снова жаждою томился,

И градом пот по нем катился.
В нем кровь и мысли волновал
Жар ядовитого недуга;
Уж он меня не узнавал
И поминутно призывал
К себе товарища и друга.
Он говорил: «Где скрылся ты?
Куда свой тайный путь направил?
Зачем мой брат меня оставил
Средь этой смрадной темноты?
Не он ли сам от мирных пашен
Меня в дремучий лес сманил,
И ночью там, могущ и страшен,
Убийству первый научил?
Теперь он без меня на воле
Один гуляет в чистом поле,
Тяжелым машет кистенем
И позабыл в завидной доле
Он о товарище совсем!..»
То снова разгорались в нем
Докучной совести мученья:
Пред ним толпились привиденья,
Грозя перстом издалека.
Всех чаще образ старика,
Давно зарезанного нами,
Ему на мысли приходил;
Больной, зажав глаза руками,
За старца так меня молил:
«Брат! сжался над его слезами!
Не режь его на старость лет...
Мне дряхлый крик его ужасен...
Пусти его — он не опасен;
В нем крови капли теплой нет...
Не смейся, брат, над сединой,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчит за нас он божий гнев!..»
Я слушал, ужас одолев;
Хотел унять больного слезы
И удалить пустые грезы.
Он видел пляски мертвецов,
В тюрьму пришедших из лесов,
То слышал их ужасный шепот,
То вдруг погони близкий топот,
И дико взгляд его сверкал,
Стояли волосы горою,
И весь как лист он трепетал.
То мнил уж видеть пред собою
На площадях толпы людей,
И страшный ход до места казни,
И кнут, и грозных палачей...
Без чувств, исполненный боязни,
Брат упал ко мне на грудь.

Так проводил я дни и ночи,
Не мог минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились,
Болезнь ужасная прошла,
И с нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнее
Взяла тоска по прежней доле;
Душа рвалась к лесам и к воле,
Алкала воздуха полей.
Нам тошен был и мрак темницы,
И сквозь решетки свет денницы,
И стражи клик, и звон цепей,
И легкий шум залетной птицы.

По улицам однажды мы,
В цепях, для городской тюрьмы
Сбирали вместе подаянье,
И согласились в тишине
Исполнить давнее желанье;
Река шумела в стороне,
Мы к ней — и с берегов высоких
Бух! поплыли в водах глубоких.
Цепями общими гремим,
Бьем волны дружными ногами,
Песчаный видим островок
И, рассекая быстрый ток,
Туда стремимся. Вслед за нами
Кричат: «Лови! лови! уйдут!»
Два стража издали плывут,
Но уж на остров мы ступаем,
Оковы камнем разбиваем,
Друг с друга рвем клочки одежд,
Отягощенные водою...
Погоню видим за собою;
Но смело, полные надежд,
Сидим и ждем. Один уж тонет,
То захлебнется, то застонет
И как свинец пошел ко дну.
Другой проплыл уж глубину,
С ружьем в руках, он вброд упрямо,
Не внемля крику моему,
Идет, но в голову ему
Два камня полетели прямо —
И хлынула на волны кровь;
Он утонул — мы в воду вновь,
За нами гнаться не посмели,
Мы берегов достичь успели
И в лес ушли. Но бедный брат...
И труд и волн осенний хлад

Недавних сил его лишили:
Опять недуг его сломил,
И злые грезы посетили.
Три дня больной не говорил
И не смыкал очей дремотой;
В четвертый грустною заботой,
Казалось, он исполнен был;
Позвал меня, пожал мне руку,
Потухший взор изобразил
Одолевающую муку;
Рука задрогла, он вздохнул
И на груди моей уснул.

Над хладным телом я остался,
Три ночи с ним не расставался,
Всё ждал, очнется ли мертвец?
И горько плакал. Наконец
Взял заступ; грешную молитву
Над братней ямой совершил
И тело в землю схоронил...
Потом на прежнюю ловитву
Пошел один... Но прежних лет
Уж не дождусь: их нет, как нет!
Пирь, веселые ночлеги
И наши буйные набеги —
Могила брата всё взяла.
Влачусь угрюмый, одинокий,
Окаменел мой дух жестокий,
И в сердце жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мне страшно резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука.
Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишенный сил,
Без памяти, в тоске глубокой
За старца брат меня молил».

Примечания

Написано в 1821—1822 гг., напечатано в 1825 г. Представляет собой отрывок — вступление к большой, уничтоженной самим Пушкиным поэме «Разбойники». Поэт писал 13 июня 1823 г. А. Бестужеву, издававшему вместе с Рылеевым альманах «Полярная звезда»: «Разбойников я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц „Полярной звезды“, то напечатай его».¹ Сохранились два плана поэмы «Разбойники» (см. «Из ранних редакций»). Из них видно, что это была романтическая поэма (несколько напоминающая «Корсара» Байрона), в которой в качестве трагического, мрачного и

¹ «Братья-разбойники» были напечатаны в «Полярной звезде» за 1825 г.

разочарованного героя выступал атаман волжских разбойников. Действие поэмы, судя по первому плану, развивалось таким образом: атаман исчез, есаул тревожится. Любовница атамана плачет и подговаривает разбойников идти на поиски и на помощь ему. Они плывут по Волге и поют. По-видимому, находят его — об этом в плане не сказано. Под Астраханью разбивают купеческий корабль, атаман влюбляется в дочь купца и берет ее в плен. Превращение любовницы от ревности сходит с ума. Новая не любит его и скоро умирает (в плане не указано от чего). Ожесточенный этими несчастьями, атаман «пускается на все злодеяния» и гибнет жертвой предательства есаула. В этом раннем плане еще не было эпизода о братьях-разбойниках. О его происхождении Пушкин сам писал Вяземскому 11 ноября 1823 г.: «Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы». Сначала Пушкин хотел сделать из этого небольшую балладу, «молдавскую песню» вроде «Черной шали»:

Нас было два брата, мы вместо росли
И жалкую младость в нужде провели...

и т. д.

Но он отказался от этого замысла и вставил эпизод о братьях-разбойниках в поэму «Разбойники», как вступление, еще до появления главного героя. Судя по второму плану поэмы, представляющему, по-видимому, перечисление уже написанных Пушкиным глав или разделов поэмы, Пушкин довел ее до момента, когда прежняя любовница атамана сходит с ума, а затем сжег написанное, за исключением начала, которое превратил в особую поэму — «Братья-разбойники».

«Братья-разбойники» отличаются от других романтических поэм своим стилем и языком. Пушкин переходит от романтически приподнятого лирического стиля к живому просторечию, (Недаром он шутил в письме к Бестужеву о «нежных ушах читательниц».) В некоторых местах поэмы Пушкин старается приблизиться к стилю народной песни (стихи «Ах юность, юность удалая» и след.), причем и это просторечие и народные выражения, в отличие от «Руслана и Людмилы», лишены комической окраски. О языке своей поэмы Пушкин писал Вяземскому 14 октября 1823 г.: «Замечания твои насчет моих „Разбойников“ несправедливы; как сюжет *c'est un tour de force*², это не похвала, — напротив; но как слог — я ничего лучше не написал».

Кроме попытки приближения к народному языку и стилю, в «Братьях-разбойниках» существенно было и само содержание поэмы. Крестьяне, ставшие разбойниками от крайней бедности, — эта тема была в то время злободневной. Центральные эпизоды поэмы — тюрьма, жажда освобождения и побег из тюрьмы — находили горячий отклик в сердцах передовых читателей, которые видели даже в этом аллегорический смысл — см. шуточные слова Вяземского в письме к А. И. Тургеневу от 31 мая 1823 г.: «Я благодарил его (Пушкина. — С. Д.) и за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежду плавать и с кандалами на ногах» («Остафьевский архив князей Вяземских», т. II, СПб, 1899, стр. 327).

Уничтожив поэму «Разбойники», Пушкин перенес ее основное сюжетное положение в следующую поэму — «Бахчисарайский фонтан» (мрачный хан Гирей и две женщины — Зарема и Мария).

Из ранних редакций

² это трюк, фокус (франц.)

I. Заключительные стихи, не введенные в печатный текст

Умолк и буйной головою
Разбойник в горести поник,
И слез горючею рекою
Свирепый оросился лик.
Смеясь, товарищи сказали:
«Ты плачешь! полно, брось печали,
Зачем о мертвых вспоминать?
Мы живы: станем пировать,
Ну, потчевай сосед соседа!»
И кружка вновь пошла кругом;
На миг утихшая беседа
Вновь оживляется вином;
У всякого своя есть повесть,
Всяк хвалит меткий свой кистень.
Шум, крик. В их сердце дремлет совесть:
Она проснется в черный день.

II. Планы поэмы «Разбойники»

1

Вечером девица плачет, подговаривает, молодцы готовы отплыть; есаул — где-то наш атаман. Они плывут и поют.....

Под Астраханью разбивают корабль купеческий; он берет себе в наложницы другую — та сходит с ума, новая не любит и умирает — он пускается на все злодеяния. Есаул предает его.....

2

I. Разбойники, история двух братиев.

II. Атаман и с ним дева; хлад его etc. — песнь на Волге —

III. Купеческое судно, дочь купца

IV. Сходит с ума

III. Отрывок текста поэмы «Разбойники»

На Волге в темноте ночной
Ветрило бледное белеет,
Бразда чернеет за кормой,
Попутный ветер тихо веет.
Недвижны волны, руль заснул,
Плывут ребята удалые —
И, стоя, есаул
песню